

ВИТАЯ АНТОН
С. ВАСИЛЬЕВ

В ОБЛАКАХ

лирический дневник

Антон С. Васильев
Витая в облаках.
Лирический дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26905014

ISBN 9785448583933

Аннотация

Стихи разных лет и жанров, представленные в книге писателя, взяты с его сайта в сети «Поэмбук». Антон Сергеевич Васильев-Макаренко – режиссёр театра и кино, писатель, журналист-эколог, доцент ВГИК, ныне проживает в Тверской области на озере Селигер.

Содержание

покров	7
подражание джону китсу	8
люблю	9
светлая энергия	10
ветры	11
на холсте стола	12
выпал снег	13
метель мне в радость	14
в полях безлюдных	15
не вник в дневник	16
да как же так	17
холодный день	19
автолавка	20
ноябрь. сыну	21
день рождения	23
два портрета	25
электричка	26
редактору	27
язык карандаша	28
гастрокопия	29
ива	30
декаденты	31
осенние этюды	32

белоснежный...	33
ода трамваю	34
слёзы текут	36
первый мороз	37
танец	39
перед бурей	40
эпиграмма	41
ночь	42
«свалка»	43
рацио про горацио	45
снегами белыми	46
ушедшему другу	48
конкурсантам	49
зимняя сказка	50
липа зацвела	52
невеста	53
хуже смерти	54
пост	55
сказка	56
снежинка	57
баба	58
пусть	60
бывшей жене	61
чёрные алые розы	63
снова снег	64
глупости	65

выпавший снежок	66
свеча	67
снеговой	68
метель	69
памяти ту-154...	71
казнь	72
слава богу	73
новогоднее	74
снегири	75
голуби	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Витая в облаках Лирический дневник

Антон С. Васильев

© Антон С. Васильев, 2017

ISBN 978-5-4485-8393-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

покров

опять покров; последний раз.
а может, только в крайний
среди октябрьских разпрекрас
сверкает образ райский.
пришёл покров, но снега нет,
зато – покой и воля
и сотворённый богом свет
и озеро и поле;
и омофора девы щит
и на ладонях – церковь...
пускай земля сегодня спит,
огонь души – не меркнет.
настанет срок – падут снега
с небесной чистотою,
покроют зяби и стога
с наивной простотою,
и белым саваном – погост,
и холодом – до срока...
пусть я в деревне только гость,
но счастлив как сорока!

подражание джону китсу

смешно устроен человек:
поел, и мир ему прекрасен.
на солнце стало много пятен?
так мы едва живём и век!

он любит тех, кто лжёт ему:
так странно мир его устроен.
поёт, поэтами утроен,
он листопаду жёлтому.

и суеверен и жесток,
бежит он чувства и рассудка
и говорит, что жизнь есть шутка,
кладя поклоны на восток.

короткой жизни ровно треть
он спит в мечтаниях наивных
и ищет счастья в летних ливнях
и называет небо «твердь».

люблю

святая осень, мыслей чистота!
люблю твои задумчивыя взоры
и искренности с богом разговоры
и бесконечныя – воистину – просторы,
в которых вольно дышит красота...

а солнца свет! хоть редок, но звончей;
хрустит ледок на отражённом небе,
вдали тревога о насущном хлебе
и, словно бы справляя службу в требе,
журчит в лесу невидимый ручей.

я здесь живу и радуюсь всему,
благодарить за всё и я умею
и, уподобясь фету или мэю,
легко прощаюсь с юностью моею
и жду, как смерть, грядущую зиму.

*15.10.16, дер. твердякино,
гостевой дом «нилова пристань»*

светлая энергия

она ушла, уехала, уплыла
на веки вечные в неведомый мне край;
она была, и с нею вместе было
то, чем наполнен, верно, божий рай.

она меня заставила быть лучше
своим уходом, смертью своей,
но с нею, всё же, было бы сподручней
мне пережить до гибели моей.

сегодня вновь на родине крещение,
освящены и воздух и вода,
сейночи вновь всем людям – всепрощенье.
но слышен плач под толщиной льда...

январь 2015, селигер

ветры

усилился ветер – усилил ли чувства,
прибавил ли силу и правду искусства?
очистил ли страшные воспоминанья,
улучшил ли наши о родине знанья?

меняется снова у речки погода;
наверное, ждут нас метели в полгода,
и ветер мы этот помянем с улыбкой,
и скажем, что страх этот был нам ошибкой...

и всё же, и всё же – волнительно очень,
когда наполняется ветрами осень!

16.09.15. твердякино

на холсте стола

здесь страха нет, что я один в квартире,
и что меня по запаху найдут.

здесь я в миру, и даже с миром в мире;
как у христа за пазухой я тут.

но всё равно – меня не оставляет
смертельный страх, особо наяву,
того, что срок, как день короткий, тает,
а я уже забыл – зачем живу?

молиться – да, хоть я и не умею
молиться так, как ты порой могла...
боюсь того, что сделать не успею
труда, что должен, на холсте стола;

и не помогут озеро и дали,
ни облака, ни светлые леса.
чего-то мне, как видно, недодали:
не то волнение, и не та слеза...

ВЫПАЛ СНЕГ

может статься, что нам не расстаться
ни на миг, ни на год, ни на век,
не помогут попытки кастраций,
ни прострации сомкнутых век.

может статься, что больше ни разу
не увижу твой искренний взгляд...
я любовь, как болезнь и заразу,
выгоняю стихами назад.

выпал снег, будто простынь упала.
я уж думал – его не дождусь!
хорошо, что ты клятв не давала,
без тебя как-нибудь обойдусь.

по-над белой вселенной повисли
телефонные наши звонки,
и летают вокруг... то ли мысли,
то ли хлопья осенней тоски.

метель мне в радость

метель мне в радость почему-то.
так сладко думать мне о том,
как мчит она из ночи в утро
под свист ямщицкий за окном.

какая гордость – жить в россии!
какое счастье – холода!
не заслужили, не просили:
за так дано нам навсегда.

метель вздымает снег волнами,
скрипит погасшим фонарём,
кружит, как ведьма, меж домами,
колдуя вечером и днём.

и всё же – как она красива!
летит, как фея на коне,
и очистительная сила
в метельном чудится огне...

В полях безлюдных

но где же праздник вдохновенья
среди руси священных рощ
и глаз просохших удивленья?

всё-всё ушло куда-то прочь.

брожу один в полях безлюдных
как призрак самого себя,
лишь пустота очей безумных
в ответ на вызов ноября.

уж улетели гуси-утки,
а снег спасенья не спешит,
и всё темней и глуше сутки,
и в горле горечью першит,
и даже ветру не поётся...
чего ж мне, грешному, желать?

не каждый день судьбой даётся
осенней грусти благодать...

НЕ ВНИК В ДНЕВНИК

пропали дни! их место в дневнике
зияет мне зловещей пустотой,
дрожит листок нетронутый в руке
и жалуется с детской простотой

пропали дни: единой запятой
мне не представил друг бумажный мой,
растоптаны они безвременья пятой
и не вернуться с кем-нибудь домой

что мыслил я в минуты жизни те,
о чём мечтал, к чему стремился я,
какой чужой сочувствовал беде,
зачем летел душою до саян?

а может, я отдал свои часы
благим раздумьям сына об отце?
бог весть, скажу, небесные косцы,
мы все узнаем истину в конце

да как же так

да как же так? цвела сирень
и снег черёмуховый веял,
а нынче выюга целый день,
и в ней гуляет злая фея...

надели шапки все столбы
и разлеглись вокруг сугробы;
под ними, видимо, гробы,
а в них — уснувшие утробы.

неужто был зелёным двор,
и соловей свистал как леший?!
у нас был мирный договор,
как с толстяками у олеши.

а нынче только хлад и мраз,
да завыванья в стёклах окон...
но, впрочем, уж не первый раз
седеет в страхе нежный локон.

затопим печь, и пусть огонь
расскажет нам благую сказку —
как прилетал крылатый конь,
спасая деву-синеглазку...

*12.11.16, дер. твердякино,
гостевой дом «нилова пристань»*

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

день холодный, и страшный, как глина
у разверстой могилы твоей...
я пытаюсь писать, но всё мимо,
всё впустую, жалею – не жалею.
разгорается свет неохотно,
ветр осенний скребётся в щелях,
а когда-то здесь было дородно,
словно деткам в заветных яслях.
по-над озером серые тучи,
и на сердце – то жалость, то страх,
что не будет ни хуже, ни лучше,
ибо всё превращается в прах,
а живой и спасающей веры
очень мало осталось с тех пор
как смеялись, бывало, без меры
и о главном вели разговор...

дер. твердякино, селигер

автолавка

раз в неделю нас будит сигналом
автолавка, несущая весть
о насущном\ в избытке немало\,
что нам выпить и чем нам заесть.
вслед машине не лают собаки,
да и люди с двора не спешат;
может, молятся: «паки да паки»...
только звуков, что писки мышат.
белобокая разве сорока
разсудачит товаркам своим,
что уснула деревня до срока,
превратясь в ледяной аркаим.
и подумаешь: может, приснилось
автолавки явление мне...
уповая на божью милость,
снова в сон улетишь на коне.

*14.11.15, дер. твердякино,
гостевой дом «нилова пристань»*

ноябрь. сыну

душа растворяется в теле,
а после в эфире, как дым,
и дышим, на самом-то деле,
мы истинно духом святым

а тело уходит в могилу,
становится снова землёй.
мы ходим с тобою, мой милый,
по жизни под чёрной золой

а мысли – разносятся ветром,
а чувства уносят ручьи,
и, может, не надо об этом,
с тобою мы тоже ничьи:

летим, как снежинки, и таем,
и шлёпаем оземь, как лист;
как лёгкое семя, взлетаем,
стихаем как во поле свист

забудется скоро и это,
пройдут и зима и весна,
и краткое красное лето
сверкнёт средь осеннего сна

не плачь, мой далёкий, не надо.
молитвою глаз улыбнись.
не будет ни рая, ни ада,
ведь смерть это тоже — жизнь

день рождения

в день рождения васи плохая погода.
да и сам он сегодня не особо хорош.
целых три исполняется мальчику года,
а его, как грудного, мучит мелкая дрожь.
нету на небе солнышка даже намёка,
и в пустом холодильнике нет творога.
рубашонка у васи от слёзок намокла,
он не знает, как каждая мне дорога...
может, папа объявится часом случайно
и для васи в подарок он сестру принесёт:
кукла будет красивою необычайно,
с нею вся, покушав, как с родною, уснёт.
будет сниться в полнеба апрельское солнце,
будет кукла ресницей васе нос щекотать,
и, поморщившись, мальчик во сне улыбнётся,
и от этой улыбки шевельнётся кровать.
белокурая девочка глазки откроет
и печально и долго еле слышно вздохнёт,
а несчастная мама их тихонько накроет
и душою больною, может быть, отдохнёт...
в день рождения васи ни дождя, ни метели,
не зима и не лето у него на дворе,
не сестра и не кукла лежат с ним в постели,
но мечта и надежда о любви и добре...

два портрета

редок снег и небо бледно,
лист берёзовый дрожит;
так вокруг темно и бедно,
что без рюмки не прожить.
одиошенькая муха
бьётся, дура, об окно,
опостылевшая мука
бьётся с мухой заодно.
тишина стоит в деревне,
и вороны не слышать,
стынут голые деревья,
зябнет стынувшая гать.
в доме холодно и пусто,
два портрета на стене
смотрят друг на друга грустно.
и не вспомнят обо мне.

11.10. твердякино. «нилова пристань»

Электричка

почернели осенние листья,
породнились с холодной травой,
потерялась тропиночка лисья,
никого – над моей головой.

лишь одна на кусту невеличка
не мигая мне в душу глядит,
да за лесом гудит электричка,
о тоске своей бабьей гудит...

ноябрь, селигер

редактору

вокруг меня по комнате не строки —
летают вокруг отдельные слова,
порой божественны, порой совсем убоги;
от них гудит как принтер голова.

порой сверкнёт блистательная рифма,
порой сравнение меткое мелькнёт;
строфой классической классического рима...
обычной мухой свалится и ждёт.

а дальше — что? сидеть, чесать в затылке,
разгадывать йероглифы судьбы
и видеть истину на дне пустой бутылки?
иль говорить: «вот если б да кабы!»

таков удел твой, честный стихотворец,
обязан быть ты искренним всегда;
не можешь, как шекспир, моги как юнна мориц,
на каждое «нет-нет» ответь: «конечно — да!»

деревня твердякино, селигер

язык карандаша

давно ждёт снега русская душа,
теплом осенним сердце истомилось,
спешит сказать язык карандаша,
что автор призывает божью милость.

ему так хочется небесной белизны,
он всё надеется на духа обновление,
он так устал смотреть плохие сны
и останавливать чудесное мгновенье!

но небо ждёт отмашки с облаков,
они застыли в строгом ожидании...
не разжимая сжатых кулаков,
изнемогаю в рушащемся зданьи.

гастрокопия

вышел он с гастроскопии,
словно заново рождён:
«ослепили, оскопили!» —
оскорбился; возмущён
был назад всего мгновенье,
но, увидев белый свет,
просветлел на удивленье.
— ну, чего? — спросил сосед
с койки справа. всей палате
интересно: как и что?
— как при понтии пилате!
— то есть, с понтом, что ль? — а то!
тот, что слева, растерялся:
— я не понял ни черта!
— ну, короче, со-распялся
и сошёл, аки с креста...

ИВА

за лето выросла ива
и под окном шумит,
растрёпанная красиво,
жалуется, не спит

было тепло, было ясно
иве на свете всё,
красное было прекрасно,
как бы сказал басё

осень с дождём и со снегом
листьяхватила льдом,
и зашептала сленгом
ива, да неладом

сыплются битые стёкла
ветром открытых рам.
вот она и умолкла,
певшая по утрам

декаденты

в этот день начинается утром зима,
покрываются льдом придорожные лужи,
вылезают от страха глаза у сома,
ибо чувствует он приближение стужи

кости ноют у деда от воинских ран,
им полученных где-то на тёплом босфоре,
перелётные птицы из северных стран
опускаются плавно на мраморном море

в этот день достаётся из шкафа пальто,
и пронзительно пахнет в доме нафталином,
и не хочется выйти из дома, зато
что-то тайное чудится вам в обозримом

ошибаетесь вы телефонным звонком,
невпопад говорите и скороговоркой,
и не видите прошлого лета ни в ком,
и с хрустальной рюмкой томитесь за горкой¹

---

¹ шкафчик из красного дерева, со стеклом, где хранят дорогую посуду

осенние этюды

солнца нет и нету снега,
замирает жизни шум,
лень осенняя и нега
не тревожат спящих дум

две бродячие собаки
собрались на пустыре,
в алюминиевом баке
кипячу на ноябре

пролетает в небе голубь
между зданий наугад;
воскресенье, и ни в школу
не ведут, ни в детский сад

хорошо ещё, что топят
трубы стен и батарей;
мне подсказывает опыт
полусотни декаблей,

что мороз сейчас ударит,
словно смерть со всех сторон:
на закрывшемся базаре —
туча чёрная ворон

белоснежный...

он всё идёт – какая радость,
он всё идёт – какая грусть!
какая надобность и надость
тебе, полуночная русь?

он всех достанет этой грустью,
он этой радостью – проймёт,
про всё, что деется над русью,
он обязательно поймёт!

такой, простите, белоснежный,
такой, поймите, северный,
и целомудренный и нежный,
ему духовно все верны!

мой милый снег, душе забава!
мой зимний дождь, мой чистый сон!
тебя мне жаль безумно, право,
святых бессмертных пантеон...

ода трамваю

1.

трамвай! конечно, он – не паровоз,
ни красотой, ни силой не сравнится,
он грузов никогда больших не вёз,
и дым над ним клубами не струится.
и всё же – великану он сродни,
и песнь его не меньше романтична;
лишь мальчики влюблённые одни
о том поведать могут «на отлично».
на стыках рельсов отбивая такт,
стремительно он набирает скорость...
а если что в стихах моих не так, —
за то ответит перед миром совесть.

2.

\см. в конкурсе «общ. транспорт»\

3.

трамвай, трамвай... ни супостат, ни ангел,
но он живой, и он со мной всю жизнь,
и хам трамвайный, до предела наглый,
мне не испортит жизни романтизм.

нет, то не гром небесный, не цунами —
трамвай меня разбудит на заре
и, если откровенно, между нами,
ему я рад особо – в октябре,
когда к нему, бросаясь под колёса,
листы спешат: червонный, золотой...
я, как молюсь, шепчу тепло и слёзно:
не покидай, единственный, постой!
да, знаю я, что и железо смертно,
и всяк из нас – как отшумевший лист,
но ничего не знаем мы наверно...
быть может, он, как тот ослёнок, чист...

слёзы текут

слёзы текут, когда сердце отгадет,
это почти что природный закон,
можно сказать, что любой его знает,
если он был хоть однажды влюблён

слово рождается, если сердечко
помыслов чистых и чувства полно,
строчка летит, как стрела, в бесконечность,
в звёздной тиши прорубая окно

если же холодно, серо и пусто,
то тяжелеют глаза и рука...
так, говорят, говорил заратустра,
так подо льдом говорит и река

первый мороз

и. бунину

в москве мороз, классическая стужа
иного пешехода веселит.
студентка бедная укуталась потуже,
а колокол как будто всё звенит.

и снег хрустит у граждан под ногами,
и пар валит над быстрою толпой.
зимой холодною да стылыми ночами
моя москва становится собой.

на стёклах лёд и райские картины,
весь день кипит в столовой самовар.
от сквозняков задёрнуты гардины,
и так хорош румяный твой овал!

глаза – большие, словно бы от страха,
в пушистой варежке – озябшая ладонь.
от снежного отряхиваясь праха,
ты скидываешь шаль свою долой.

а я ловлю и шубу меховую,
и шутку крепкую и лёгкий поцелуй:

«попьём чайку, махнём на моховую —
купить бокалы... после... не балуй!»

танец

снежинками наполнено пространство,
и в каждой – зашифрованная жизнь,
одни на крыши лягут как убранство,
другие упадут куда-то вниз

они свободны, как слова из книги,
просыпанные с вырванных страниц;
причастные существ крылатых к лиге,
горе взмывают и стремятся ниц

мой взгляд, за ними всюду устремлённый,
чего-то ищет в танце белых струй,
как будто бледный юноша влюблённый
любви своей рассеивает грусть

по мне зима пусть вечно б не кончалась,
пусть всё уснёт без боли навсегда,
пусть никогда пронзительная алость
не разрешит замёрзшие года

перед бурей

как будто сотканы из нежного тумана,
к заоблачной тянулись синеве
мои леса, и утренняя манна
слезой росы мерцала на траве

мир расцветал невидимым восходом,
чуть слышимой симфониею дня,
и сам декабрь с зимой и новым годом
кометой надвигался на меня

цвела полынь свечою ярко-бурой,
и рядом с ней дрожал чертополох,
сговариваясь тихо перед бурей
не поднимать большой переполох

я подошёл тропинкою к берёзе
к обнявшейся с берёзою ольхе,
и рассказал им, словно на серьёзе,
что с осенью прощаюсь налегке

Эпиграмма

говорят, что жизнь жестока
и всё время тянет вниз,
говорят, что свет с востока,
и клянут социализм
говорят, что бабы дуры,
что в столице кур доят,
что полезны процедуры,
от которых не стоят
говорят, что жириновский
армянин, а не еврей,
говорят, что мэр ростовский
вышел в люди из дверей
говорят, что будет завтра
конвертируемый рубль
и тогда газета «завтра»
сядет прессы всей за руль...
говорят и свято верят
в чушь, которую несут,
лишь бы только встретить зверя,
а не страшный божий суд

НОЧЬ

нет меня счастливей и несчастней,
краткий миг – подаренный мне век,
имя мне: разумный человек,
в мире нет добрее и злорадней

в ночь, когда глубокий снег и слякоть,
и в окно моё чуть брезжит свет,
у меня не только веры нет,
нет и просто мужества – заплакать

«свалка»

памяти валерия беляковича

московский журнал со статьёй бондаренко
упал, словно «знамя», из рук
успел я помыслить чего-то маненько,
и стало всё тёмно вокруг
узрел я вдруг сцену грядущего мхата,
где вышла на рампу сквозь дым
актёрская муза, бледна и лохмата,
с артистом одним молодым
очами безумно по залу блуждая,
истощно вскричала она
и, страх первобытный в партере рождая,
прошла звуковая волна,
а следом взорвался неистовым роком
висящих конструкций металл
и вздрогнул, внезапно настигнутый роком,
и бросился в стороны зал
бегущих, однако, огнями слепили
и избивали в дверях
командировочные голосили,
словно носясь на сносях
но громогласное веское слово
их доставало во тьме

и возвращало на место, и снова
свет померещился мне
снова открыл я статью бондаренко,
точно очнулся от сна
только немного дрожала коленка,
осенью словно весна

рацио про горацио

написал стиховъ гораций
не сказать, чтобы гораздо,
но один узнавши стих,
я понял, что я не псих...
«ты — как живопись, о, муза, —
начертал он вокруг арбуза, —
чем подальше отойдёшь,
тем горазей и найдёшь!»
он имел ввиду поэмы
и раскрыть главной темы.
мол, что рядом и вблизи
нам не видно, собрази...
а всё то, что вдалеке,
видно словно на пеньке.
ведь и сам гораций то ж
всё значимей, как уйдешь...

снегами белыми

восход взошёл, на запад закатился
закат священный,
словно из земли
святое слово
глухо прозвучало
нездешней речью
древнею, как небо

о, боже праведный,
о, боже милосердный,
нам посылаешь ангелов
снегами,
снегами белыми и чистыми,
как звуки
молчанья белого,
молчанья твоего!

идёт зима над русскою землею
сторицей полною нам, боже,
воздаёшь
за все страдания,
за грешные молитвы,
за битвы тихие,
за будущий исход...

восход взошёл, на запад закатился
закат священный...
будет ли ещё?

ушедшему другу

мы с тобой сидели в ресторане
и беседу мирную вели,
а ветра сугробы намели
на сердца, израненные ране

мы косились молча на грузин,
а девчата выручку считали,
но под грузом грустных лет и зим
мы стихи весёлые читали!

горьким пивом горькую запив,
мы в душе почувствовали сладость,
словно к нам вернулась наша младость —
мы счастливый слышали мотив...

конкурсантам

если нет христа,
если нет креста,
то земная жизнь
как стакан, проста,
как стакан, чиста,
как стакан, пуста,
если нет креста,
если нет христа

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

уйти туда, откуда нет возврата,
врата открыты настежь, ангел мой,
мы только что ему отдали брата,
и он уж не придёт к сынам домой

уйти туда – нехитрая наука,
потом уйдут и те, кто неучён;
как здесь остаться – в этом, парень, штука,
тем паче тем, кто глух и не влюблён

сегодня – праздник зимнего никола,
чуть-чуть забрезжил над страной свет,
а младшие бегут уже из школы,
и старшие им матерятся вслед

такая жизнь; и тягостно и грустно,
и надо лямку всё-таки тянуть,
писать роман и изъясняться устно,
чтоб в немоте своей не утонуть

была бы вера с зёрнышка от мака,
я б переставил серые дома
куда-нибудь от озера; однако
они стоят как «ленина» тома

помолимся, чтоб кто-нибудь вернулся
и показал нам раны под ребром,
нас обнял как детей и улыбнулся,
осыпав снегом, словно серебром

помолимся морозному николе,
чтоб он всегда во всём путеводил,
и чтоб не остывала печка в школе,
где слово «богъ» я с ером выводил

липа зацвела

неужели липа зацвела?
ведь вчера ещё была, казалось,
вся земля позёмкою бела,
и зимою время называлось.

но – цветёт, душистая как рай,
вопреки сердечному неверью,
благодатно освящая край,
где стоит христос за каждой дверью..

Невеста

так зыбко и хрупко нас существованье!
потухшая трубка без истолкованья
рассеянно спросишь: а было ли лето?
разлюбишь и бросишь два слова привета
уйдёшь в неизвестность ночного тумана —
вся в чёрном невеста моя и романа

хуже смерти

одинокчество – хуже смерти:
ты живой, но живёшь один,
в окружающей круговерти
сам себе и отец и сын

одинокчество – это мука,
одинокчество – это страх,
одинокчество – это мука
белых льдов высоко в горах

и ничем это не развеять,
если некем тебе помочь,
нету сил даже просто верить,
если день превратился в ночь

ПОСТ

ну и что, что зима? и за это спасибо
сердцу вовсе не легче томиться в июнь,
егда липа цветёт и вся светится, либо —
когда дети смеются, а сам ты не юн

ну и что, что ветра заметают оконце
и покрыта, как саваном белым, земля?
почерневшей в сомненьях душе с неба солнце
слепит с болью такой, что и молвить нельзя

ну и что, что один? значит, это так надо
для усердной молитвы на время поста,
недопитый бокал и кусок шоколада
со стола мной не убраны здесь неспроста

ещё женщины след есть в дымке сигаретном,
а мы с нею простились опять навсегда,
но не факт, что счастливее буду я летом,
пахнет липа любовью и светит егда

сказка

ночная сказка за окном:
мерцающие звёзды,
что в твердь, развёрнутую дном,
вколочены, как гвозди,
рукой небесного отца
навек бесконечно,
молитвословят без конца
в пути возвратном млечном.

похож на сон молчанья міръ,
где тени, словно души,
и тихой музыкою мир
течёт в глаза и уши,
и снегом, словно серебром,
осыпаны избушки,
и поминаются добром
и серый волк и пушкин!

снежинка

чуть где выступ – занесёт,
чуть кто встанет – припорошит...
видно, год не даром прожит,
если радость день несёт!

баба

из заутреннего снега,
с утренней пороши я
всю слепил тебя и нега
разлилась хорошая

я катал тебя руками,
по бокам похлопывал,
вместо сердца ставил камень
и кругом притоптывал

твои глазоньки смешные —
угли зацеловывал,
и смеялися вершиной
дерева еловыя

я дышал тебе на ушко,
ласково прищёпывал:
здравствуй, девушка-старушка,
ты нерасторопная!

не грусти морковным носом
и ведра не сбрасывай,
буйным ветрам и морозам
сказок не рассказывай

снежной бабы бабьей доли
уж чего уж лучше:
нет ни горести, ни боли,
ни судьбы заблудшей...

ПУСТЬ

посв. ольге м.

пусть снег идёт в середине декабря,
пусть дождик льёт в skonчании июня,
и красный лист в начале октября,
и май цветёт, всё солнышком малюя!

а в январе пусть будет ёлок блеск,
пусть в феврале покроют их метели,
и половодья пусть апрельский плеск
уносит всё в пасхальные недели...

так на руси святой заведено
от первых дней судьбы её творенья.
ещё одно о том стихотворенье,
ещё в любви признание одно

бывшей жене

вновь новый год без обновления
грядёт в отчаянных звонках,
и чья-то иноходь оленья
сквозь выюгу блазнится, тонка
что ж! наряжу, пожалуй, фикус
озябший, пыльный и немой,
и позову, пожалуй, вику,
коль скоро нет тебя со мной,
и прогуляюсь по арбату,
который «старым» не зову,
но обращаюсь как к собрату,
презрев нашествия молву
и, пересчитывая деньги,
найду, быть может, на ларёк,
где лазуритовые серьги
глядят, как искренний намёк
и, поглазев в ответ печально,
промямлю, булку прожевав:
«с тобой общаюсь я астрально
и не нарушу наш устав!»
затем, возможно, у филиппа —
в тепле и свете постояю
плохой печатью с контратипа,
которой больше не таю,

и, разомлев от благодати,
поставлю свечи у икон...
как много зим, порядком датый,
я мимо церкви шёл окон!
но – слава богу – мир огромный
его не более любви;
я возношу бокал скромный
и пью за вас, тоской обвит

чёрные алые розы

убивают поэтов нечасто,
но, когда погибают они,
понимаешь, как много причастно
к совершённому в чёрные дни
да, трещали в крещение морозы,
и дымился в чаду «англетер»,
когда чёрные алые розы
бросил некто и в ад пролетел
да, заплакали звонницы звоном,
как на выстрелы отозвались,
и над сценою как над амвоном
птицы чёрные взрезали высь —
потому что всё в мире причастно
к совершённому в чёрные дни...
убивают поэтов нечасто,
потому что так редки они!

снова снег

снова снег идёт с небес на сушу
первозданно холоден и чист,
и летит на раненую душу
вдохновенье \им же не кичись!\
и забвенье горестной утраты
и, как будто, музыка звучит...
если дожил, брат мой, до утра ты,
будь как снег – и холоден и чист
наберись и мужества и воли,
с белизной чудесною сроднись,
пусть уйдут сомнения и боли:
нам лететь завещано не вниз

глупости

членам членов эсэри посвящается:

короткие самые дни
и самые длинные ночи...
пегас мой, покрепче лягни
в мои нераскрытые очи!
нельзя же полжизни проспять
по-детски в смешных сновиденьях!
наверное, проклял господь
за глупости в стихотвореньях
когда-то я глупостью звал
всё то, что, pardon, неприлично,
что друг мой тайком рисовал
и ночью нащёптывал лично
теперь он всё вывалил сам
на белую душу бумагу
подумать, как больно лесам
от этой позорной отваги!
не чувствуется – не пиши
не любишь, не хочешь, не можешь —
предаться перу не спеши,
ведь сам же свою же ты ложь ешь

ВЫПАВШИЙ СНЕЖОК

чистить печень творожком,
душу – выпавшим снежком,
зубы чистить пастою,
ум – молитвой частою,
любоваться на восход,
весь любить простой народ,
всех без исключения —
лучшее лечение

свеча

шумит, как море, зимний лес,
синеет, как оно,
полно таинственных чудес
с утра моё окно

а на душе – смятение чувств,
и в сердце – холодок,
а на лице – улыбка уст,
и грустных мыслей ток

звенит пурга, горит свеча
у праздничных икон,
но разливается печаль
по инею окон

ничьи не светятся глаза
за пасмурным стеклом,
не будят песней голоса
уснувший в полдень дом

снеговей

берёзы жалуются ветру,
что замерзают на ветру,
и шепчут утреннему свету,
что оживают на свету

исходит страстное моление
от разметавшихся ветвей,
и затихает на мгновенье
неугомонный снеговей

деревья кланяются долу —
и разгоревшейся заре,
и мной оставленному дому,
и самому царю царей

метель

наш дом закрыт на медные засовы
и шапкой белоснежною покрыт,
в ночи вздыхают трубы, словно совы,
и кот урчит как маленькая рысь

меня жжёт страх, изжога или совесть,
и еле брезжит где-то впереди
придуманная в юношестве повесть
и песней отзывается в груди

вчера в дороге видел я ребёнка,
под снегом с непокрытой головой
он милостыню пел и нотой тонкой
одолевал машин свирепый вой

мне показалось, что его я слышал
давным-давно, когда душой был чист,
когда лазурный купол был мне крыша
и не срывался с уст разбойный свист

увы, ушли и больше не вернулись
отец и дед, любимая и друг,
но всё ж мерещатся они в метели улиц
и руку помощи протягивают вдруг

памяти ту-154...

если б симфонические звуки
чувствовать могли и понимать
наших душ страдания и муки
и, как люди – музыке, внимать,
каждая судьба бы им казалась
морю осиянному сродни,
но пока у звёздного вокзала
мы друг друга слышим лишь одни!

КАЗНЬ

на эшафот печальных мыслей,
мешая день с полночной тьмой,
взошёл я весело и быстро,
как если б ты была со мной

толпа грехов рукоплескала,
но мрачен был судьбы палач,
луна, как солнышко, ласкала
и хохотал надгробный плач

судья зачёл косноязычно
мною сочинённый приговор,
я закричал легко и зычно,
что я писатель, а не вор

но – всё равно, все ждали зрелищ,
ударил барабанов бой...
что было дальше – не поверишь,
меня ведь не было с тобой

слава богу

слава богу – зима, слава богу – снежинки,
слава богу, снега чистотою легли,
и глаза засияли у хмурой иринки,
а у ольги движения стали легки

слава богу за всё, за любовь и разлуку,
за владимирский тракт и туманную даль,
и за августа хмель, и осеннюю скуку...
всё ушло и растаяло, словно печаль

сердце бьётся в груди воробышком пугливым,
мир холодный зимой и огромен и пуст,
я, наверно, не буду в нём больше счастливым
и забуду в нём счастье ушедшее пусть

НОВОГОДНЕЕ

шумы, визги, стуки, грюки...
это жизнь? да, это жизнь!
непроглаженные брюки,
неизжитый коммунизм

мы мечтой – не в телевизор,
мы душою – за порог,
из весёлого каприза —
по пути, что без дорог

мы не гунны, не сарматы,
мы не скифы и не ра
гей, ребята, мы солдаты,
на аминь кричим – ура!

что нам горе? жизни море
можем вычерпать до дна...
сердце, тише! выше, выше
кубки, полные вина!

снегири

на столбы и фонари
опускались снегири, и под небом голубым
было всё понятно им
отзвенела в ночь капель, снова полнилась метель, словно
слово от небес
к ожидающим чудес
полчаса ходили люди
в перевозданной белизне: подсудимые и судьи
в неподсудном судном дне
на кого какое действо
снег внезапный произвёл?
глубже сна, светлее детства, дольше вечности он шёл
и пока не водворилась
меж дворами суета, меж домами воцарилась
тишь и блажь и простота
в удивленьи и смятеньи
уху стали вдруг слышней
звуки радостного пенья
простодушных снегирей...

голуби

три голубя в пространстве бирюзовом
в морозном воздухе над белою москвой
ответствуют о чувстве моём новом,
общающемся с зимнею тоской

но вот их – два, и потерялся третий,
исчез, отстал, замёрз, упал, устал,
и снег пошёл в душе, а двое эти! —
от их круженья дрогнули уста

и вот один геройски реет гордо,
как белый парус в море голубом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.